

UDC 316.4

DOI: 10.30936/2227-7951-2019-11-159-178

В.Н. ЩЕРБИНА

ТРАНСФОРМАЦИИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА: СОСТОЯНИЕ «НОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ» И ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

***Аннотация:** В статье описывается новое состояние украинского общества, которое возникло в период 2014–2018 г. Автор называет это состояние «новой определенностью» и описывает его как результат трансформаций украинского общества предыдущего тридцатилетнего периода. Такое состояние характеризует отсутствием в массовом сознании двойственности видения перспектив дальнейшего развития государства, что понимается как основание для новой культурной политики. На основе описания процессов общественной коммуникации сделан вывод, что состояние политических медиа создает риск разрушения процедур политического общения и препятствует формированию политического представительства интересов части социальных групп.*

***Abstract:** The article describes the new state of Ukrainian society that emerged in the period 2014–2018. The author calls this state “new certainty” and describes it as a result of the transformation of Ukrainian society of the previous thirty-year period. This state is characterized as one where there is no duality of vision of the prospects for the further development of the state, in which there are grounds for a new cultural policy. On the basis of the description of the processes of public communication it is concluded that the state of political media creates the risk of destruction of the procedures of political communication and precedes the formation of political representation of the interests of social groups.*

***Ключевые слова:** трансформации общества, общественное развитие, медиатизация, институты медиа, общественная коммуникация.*

Щербина Виктор Николаевич – доктор социологических наук, профессор, главный советник Института стратегических исследований «Новая Украина» (Киев, Украина). E-mail: s-vn@mail.ru.

Keywords: *transformation of society, social development, mediatization, media institutions, public communication.*

Вступление. Процессы социальных трансформаций пост-социалистических обществ зачастую рассматриваются с применением подходов социального анализа, которые были введены в оборот в социально-исторических условиях начала перемен, с результатами которых мы имеем дело по прошествии уже более чем четвертьвекового периода динамичных общественных трансформаций. Это обстоятельство порой препятствует описанию не только новых элементов общественной жизни, но и их нового системного качества, препятствует возможности их оценки и выработки к ним практического отношения. Применительно к этому, несмотря на всё обилие разнообразной общественной информации, все так же актуальной остаётся мысль о том, что мы не знаем общества, в котором живём. Особая роль в формировании знания о общественных процессах принадлежит процессам общественной коммуникации. Они одновременно выступают и средством и одним из исторических результатов общественных изменений. Раскрытие специфики этой взаимосвязи, анализ её состояния в условиях конкретных обществ является *актуальной проблемой* социально-философского, социологического и культурологического познания.

Целью статьи является описание и анализ специфики процессов общественной коммуникации в текущих исторических условиях жизни украинского общества.

Основное содержание. В 2018 г. завершена «революционная пятилетка» жизни украинского народа, ставшая периодом разрешения части социальных и политических противоречий, составлявших повестку жизни страны трех предыдущих десятилетий. Назревавшие с 1991 г. в обществе пост-УССР качественные изменения институциональных оснований общественной жизни нашли своё разрешение в событиях периода 2013–2018 гг. Это стало очередной фазой трансформаций украинского социума — на руинах политической организации недавней постсоветской Украины сформировано ядро новой государственности. В наступающем периоде открываются новые, весьма неоднозначные, перспективы трансформаций общественного обустройства уже в качественно ином историческом пространстве.

Движущей силой и социальным заказчиком данного социального изменения стало новое политическое поколение, сформированное в период независимости²⁶³.

²⁶³ Щербина В.Н. Пришло время нового этапа развития общества [Электронный ресурс] // URL: <http://newukraineinstitute.org/blog/196> (дата обращения – 21.01.19).

С 1991 г. в украинском обществе бытовала двойственная неопределенность внутренних и внешних направлений его развития. Метания между «прошлым» и «будущим», Западом и Востоком, между либерализмом и автократией составляли единый процесс трансформации, принимаемый в качестве основы общественного консенсуса. Этот процесс имел относительную устойчивость, позволяя балансировать интересы развивавшихся на протяжении четверти века социальных сил. Возможность разнообразия идеологических взглядов и политических интересов позволяла удерживать общество от открытых конфликтов — в этой неопределенности было место для разнообразных взглядов. Так, в идеологии национал-этническое прочтение Украины противостояло общегражданскому, в экономике индустриальный уклад противостоял аграрному, в политике «западники» противостояли «восточникам». Общим в начале периода независимости было приятие перестроечного тезиса «так жить нельзя» и естественными для поколения независимости выглядели поиски различным вариантам того, как жить «можно». Однако этот период изжит, завершились эти метания обретением варианта того, «как жить должно» и дело теперь состоит в том, возможно ли «так» жить многомиллионному, качественно разнообразному народу. Это вопрос исторической практики.

Фаза открытого политического противостояния носителей различных повесток общественной жизни, носителей противоречащих организационных начал и ресурсов, к 2013–2014 гг. перешла в фазу открытой борьбы с привлечением различных внутренних и внешних ресурсов — силовых, политико-правовых, экономических. Политический диалог сменился насилием в разных формах, что создало совершенно новую ситуацию в стране. Важно то, что при этом государство выступило на одной стороне с радикалами, причем в роли инструмента насилия в отношении отдельных общественных групп. Не так важно, были ли эти группы реальными или воображаемыми — в ситуации социальной анонии, переживаемой обществом, механизмы группового сплочения не эффективны во всех общественных группах. Важно то, что в результате была инсталлирована новая социальная формула: событиями 2014 г. вопрос о центральной власти был решён в пользу сторонников аграрной, общинной, этнически ориентированной модели Украины.

Получение внешней легитимности стало решающим фактором в формировании нового политического ядра. Это запустило процессы перестройки основных общественных институтов — за пять лет прежние были разрушены и вместо них были созданы (точнее, предложены правящими политическими группами) основания новых, со своей логикой, целями и ресурсами, часто не соответствующими ни прежнему консенсусу ни от-

ражавшей его Конституции. Произошла кадровая люстрация и созданы средства формирования общественной идеологии. Внутреннее политическое, экономическое и культурное многообразие Украины было принято в политических практиках как препятствие будущему правящих групп и страны в целом. От формулы «народ строит государство» политиком перешел к формуле «государство строит нацию» и это создало новую систему координат в общественной жизни.

Итогом институциональной перестройки в 2018 г. стало возникновение нового общественного состояния системообразующего ядра Украины как социального целого. Это состояние можно назвать «новой определённой». Такое состояние – социальный феномен, об онтологических основаниях и исторических перспективах которого в данном материале мы судить не будем, ограничившись констатацией его наличия. Оно составляет в данное время категориальные рамки общественных трансформаций и его формирование не является результатом исключительно событий последних пяти лет. «Новая определённая» – логичное завершение и исторический результат тридцатилетнего периода «демократического транзита» Украины. В этом смысле это состояние общества – завершающая фаза, за которой последует возникновение какого-то исторически нового качества. Фактом стало то, что возникла новая политико-идеологическая государственная машина, имеющая своё представление о целях, методах и задачах дальнейшей жизни народа. Также возникли и новые социальные группы, на которые опирается эта машина. Украинское общество приобрело черты гибридной сословно-классовой организации со своими специфическими противоречиями, которые выражаются в различиях социальных интересов, а не идентичностей. К разрешению этого рода проблем в институциональной системе готовности не прослеживается.

Основными чертами этой «новой определённости» можно назвать следующие:

1. На смену политическому поколению начала независимости в институтах государственного управления пришло политическое *поколение детей независимости*, которое сформировалось с надеждой на реализацию той цели, которая провозглашалась в период его социализации. Общественная цена этой реализации рассматривается нынче как вторичный вопрос, а не применявшиеся раньше формы насилия видятся как едва ли не единственное адекватное цели средство.

2. В ядре политического сознания приверженцев «новой определённости» состоялся переход от «альтернативности» к «данности» общественных целей. Возникла *безальтернативность утвердившихся в ходе конфлик-*

та форм общественной реальности (ценностей, норм, практик их применения). В отличие от прежнего социального состояния, новое в идеале не предполагает критического отношения к утвердившимся за пять лет характеристикам общества, заданным исключительно идеологической парадигмой «галицийской Украины». В этом состоянии процесс общественного диалога постулируется как возможный исключительно вокруг форм реализации уже заданных принципов общественной жизни. Эту заданность можно не принимать, но изменять её не допускается спецификой общественной дискуссии — она организована по принципу «стою так и не могу иначе».

3. *Уклад общественной жизни* деградировал на следующий качественный уровень: он утратил свою институциональную основу в государственной политике. Профиль развития страны сменился с индустриально-производственной на аграрно-сырьевую. В общественных практиках воспроизводится культурный уклад традиционного типа, что стало одним из оснований идеализации прошлого как основы сегодняшних практик социальной организации. Произошла смена базисной утопии — от «строительства хорошего общества для всех» к «принятию исторической участи избранными». Сформированы обязательные атрибуты государственной идеологии, а в практиках организации совместного действия запрос на рациональность и светскость сменился запросом на веру и клерикализм. В этом контексте 2018 г. принёс окончательное утверждение видения церкви как одного из важнейших государствообразующих институтов (наряду с армией).

4. В *коммуникативном пространстве и политических ритуалах* двойственность периода «поиска национальной идеи» завершилась безальтернативным утверждением «галицийской» парадигмы прочтения прошлого, настоящего и будущего Украины как единственно возможной перспективы. Категории экономического прагматизма отброшены, и общество описывается в категориях эсхатологической этики — как форпост «западной цивилизации» в её специфическом прочтении. Нация понимается как самобытная общность, где этнические украинцы выступают политической основой, а украинские язык и культура выступают общеобязательной основой общественной идеологии и единственным средством формирования сферы публичного общения. Другие варианты исторической памяти, символической идентификации и оценок практик повседневного поведения исключаются из публичного пространства как изначально недопустимые и враждебные.

5. Демонтирован прежний *массив гражданского общества*. Крайняя политизация всех сфер общественной жизни сделала государственные и производные от них структуры её единственными монопольными участниками.

6. Утвердилась новая *топология социального пространства* жизни народа Украины. Глобальное политическое и экономическое пространство утратило характер единой амбивалентной среды и стало пониматься как разделённое на «врагов» и «друзей». Внутреннее пространство утратило прежнее деление по культурно-региональному признаку и стало представляться пространством связей единого монолитного центра и децентрализованной периферии местных общин. Структурирование пространства страны осуществляется по военно-административному признаку, в т.ч. на «подконтрольную», «неподконтрольную» территории и «Крым».

7. Повестка организации общественно-политической жизни вокруг «военного конфликта» с РФ стала базовой составляющей дискурса легитимации государственного управления страной. Отношение граждан к этой повестке стало маркером лояльности и патриотичности. Возникла и продвигается политика мобилизации общества вокруг идеи военной победы и присутствия в стране внутреннего врага в лице «пятой колонны». На основе идеи мобилизации сформирована формула национального примирения для войны путем признания необходимости «перелистнуть страницу», прекратив дискуссии о событиях 2014-2018 гг. Возникает перспектива того, что, наряду с описанием вооруженного конфликта как межгосударственного, межэтнического и международного, будет сопровождаться его видение как конфликта интересов групп, обладающих признаками классов.

8. Произошло качественное *изменение «медиа-тела» страны*. В медиадискурсе доминирующей категорией стали описания процессов, связанных с войной и насилием. К концу 2018 г. практики диалогичности в общественной коммуникации были маргинализированы и обозначены как маркер пораженчества или предательства. В медиа сформированы два противоречивых, не сводимых к общим смыслам, дискурса, носители которых при коммуникации прибегают к насильственным действиям как решающему аргументу. Принцип «победитель получает всё» легитимирован наряду с практиками пропаганды и конструктивный диалог практически невозможен. Утвердившиеся форматы медиа-коммуникации конфликтотенны и ориентированы на язык войны. Медиа-типаж обладающего идеализированными морально-нравственными качествами «военного героя» превращен в фигуру окончательной инстанции в публичной оценке любых процессов и явлений. Это дискредитировало экспертное знание как основу общественного диалога.

На смену традиционным централизованным социальным медиа (газеты, телевидение) как источника и средства формирования обществен-

ного сознания пришли «новые цифровые медиа». От ориентированных на рациональность текстовых конструктов они перешли к конструктам визуальной среды, где доминирует формат эмоционально насыщенных шоу. Социальное взаимодействие в такой среде представляется как происходящее в координатах «эстетической достоверности». Множество социальных проблем выпало из повестки медиа, превратившись в «тёмную материю», присутствие которой ощущается, но языка для выражения которой нет. Проявления этих проблем выглядят как отклонения и случайности, не имеющие отношения к общественным процессам.

В процессе перехода к рыночному обществу в условиях упадка прежних форм и процедур социального общения созданы *основы гибридной сословно-классовой организации*, поставившие на порядок дня формирование соответствующих социальных институтов. Это предполагает, прежде всего, закрепление возникшей нормативно-ценностной основы общественной жизни широких масс. Насколько это возможно, покажет ближайшая история. Однако несомненно, что значительную, если не решающую роль, здесь будут играть процессы медиатизации и политической коммуникации.

Политические коммуникации в условиях «новой определенности». Процессы медиатизации формируют у людей общее видение общественных явлений и процессов, а также формируют способы их оценки, влияя на мотивы политического поведения больших групп. В Украине утвердилось понимание медиатизации исключительно как процесса, происходящего в СМИ и социальных сетях, возникающих в Интернете. Но жизнь общества глубже и содержательней, чем то, что отражается в зеркале публичных медиа. Задача медиа — быть посредником между людьми в осознании общих проблем с целью их практического решения. Чем глубже расхождение между повесткой публичной коммуникации и проблемами, которыми живут люди, тем меньше влияние общества и медиа друг на друга. Но медиатизация все же происходит — просто другими путями, через общение вне СМИ.

К началу 2019 г. расхождение повесток медиа и общества достигло одного из своих апогеев. Политические медиа отражают общественную поддержку процессов, от участия в которых люди пытаются уклоняться. По социологическим опросам концептуальное ядро проводимой политики поддерживает от 7% до 20% населения, однако практическое поведение людей иное. На фоне демонстрации постоянных успехов в области внешней политики, обороны, реформ и строительства церкви, демонстрации патриотического подъема и поддержки действующей власти, социологические исследования показывают минимальные рейтинги поли-

тических институтов, партий и политиков, играющих ведущие роли, а миллионы людей покидают страну, молодёжь массово уклоняется от службы в армии²⁶⁴.

В силу множества причин украинский политикум и связанная с ним когорта медиа-деятелей воспринимает термин «воображаемые сообщества» слишком буквально. В медиа-сфере утвердилась иллюзия не связанности повседневного жизненного пространства людей и процессов, происходящих в политических медиа. В результате последние демонстрируют события в собственном Зазеркалье. Поэтому избирателю достаточно сложно выстроить собственное отношение к тому, что он видит в зеркале медиа. Для решения этой задачи в формате политических шоу ему показывают его собственную реакцию на события. *Медиа-пространство замкнуто в себе, оно имитирует полный цикл политической коммуникации.* События же, происходящие вне медиа, могут попадать в фокус внимания лишь в том случае, если они являются материалом для наполнения циркулирующих в нем образов происходящего либо носят вопиющий характер. Медиа интересуются жизнью людей, исходя из своих собственных интересов и транслируют лишь собственные образы происходящего. Несмотря на это люди мотивированы на политическое участие. Рассмотрим некоторые особенности медиа-пространства, в котором формируются эти мотивы.

Первой такой особенностью выступает использование в медиа *симулякров*, утративших потенциал мотивации политического действия. Политические процессы, формирующие власть, легитимируются путём создания соответствующих коллективных представлений — политических утопий, призванных создавать ощущение причастности управляемых к определению процессов управления. Коммуникация в ходе каждой избирательной кампании опирается на созданные ранее симулякры и создаёт новые. Пространство этих симулякров образует зеркало, в которое смотрят люди, воспринимая общественные процессы. Именно в зазеркалье конструируются обобщенные представления о процессах, происходящих со страной и людьми, которые затем воспринимаются индивидуальным сознанием и становятся образами («зеркалом») реальности.

В Украине симулякрами массового сознания выступают такие конструкции, как «демократический транзит», «справедливое рыночное общество», «социально ответственный капитал», «национальная идея», «евроинтеграция», «деолигархизация», «достоинство», «честные выборы» и т.п.

²⁶⁴ Як це, коли до армії йде лише кожен 20-й призовник [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/2549549-ak-ce-koli-do-armii-jde-lise-kozen-20j-prizovnik.html> (дата обращения — 21.01.19).

На протяжении длительного времени с начала периода независимости они составляли корпус мотивирующих ценностей политического участия. Существовая в сознании людей, вступающих в политические отношения, они никогда не реализовывались в том виде, как это представлялось на уровне их содержательного, понятийного наполнения. Это создавало новые политические потенциалы. Всегда существовал *разрыв между тем, что должно было происходить в политической сфере с точки зрения господствующих представлений о ней и тем, с чем сталкивались граждане в практике общественной жизни*. Будучи носителями таких представлений, люди привычно участвовали в имитациях, приносящих им реальные (в т.ч. денежные) результаты и принимали это как норму политической жизни. Поэтому двойные стандарты в политике никогда не были чем-то из ряда вон выходящим и воспринимались скорее как норма, чем исключение.

Спецификой избирательной кампании 2019 г. стало то, что эта прежняя норма становится невыполнимой: исторический период демократического транзита завершен и его атрибуты демонтированы за предыдущие пять лет реформ. Зеркало, в которое смотрелось общество, распалось на множество фрагментов. Новые атрибуты политической спектаклизации еще не выработаны, и коммуникация ведётся на языке исчерпавших себя политических симулякров, далеких от проблем, которыми живут избиратели или которые им близки в силу их собственных представлений о жизни. Язык политики окончательно превратился в язык политиков как социальной группы, особого сословия со своими интересами и ресурсами влияния.

С другой стороны, и жизненные миры людей утратили свой политический язык, а новый же, внедренный в публичное пространство за пять «революционных лет», в повседневности не прижился, поскольку не соответствует жизненным нуждам людей («улица корчится безъязыкая»). Политикум и общество за пять лет утратили коммуникацию: в этом состоит медийная проблема предстоящих президентских и депутатских выборов. У них разные видения и разные повестки деятельности. Спектаклизация политического процесса в этих условиях происходит в жанре и по правилам «театра абсурда», где в качестве нормы принимается то, что действия политических фигур не имеют отношения к тому, какие тексты они генерируют в публичном пространстве.

У каждого из политических игроков образовалась собственная аудитория поддержки, приветствующая различие слова и дела собственного кандидата, поскольку воспринимает коммуникации своего патрона как элементы «военной хитрости», преследующей цели, которые недопустимо открыто провозглашать. Эти группы представляют собой своеобраз-

ные харизматические секты, закрытые для любых рациональных аргументов и объединенные на страхе потерять своего лидера в окружении недоступных к коммуникации враждебных «других». Так находит структурное выражение отсутствие базового доверия в обществе.

Базовые, структурообразующие политические симулякры «политического равенства», «национального единства», «демократических реформ», «европейской интеграции» утратили свою действенность в отношении политического сознания и поведения масс. Эти концепты в течение 2014-2018 гг. получили реальное практическое воплощение в виде проводимых реформ и перестали быть соблазняющими утопиями, мотивирующими политическое поведение масс в отношении власти. Реформы, о необходимости которых говорилось десятилетиями, произведены и дали свои плоды. Политика «евроинтеграции» реализована, новое поколение реформаторов пришло к власти, политический разрыв с Россией произведён. Заложены основы культурной революции с целью выстраивания новой гуманитарной политики, в центре которой окажутся ценности этнонационализма и нациеобразующая роль церкви. Прежние лозунги стали практикой, их следствия в полной мере реализуются в жизни миллионов людей и формируют их новое понимание вчерашних утопий, и новые дела говорят громче прежних слов.

Данные социологических опросов на конец января 2019 г. показывают, что свыше 80% украинских граждан считают, что Украина развивается в «неправильном направлении»²⁶⁵. Раскол общества состоит уже в различиях прочтения ожидаемых действий политиков, а не в различиях предпочтительных ими слов, поэтому убеждение в ходе кампании не становится эффективным инструментом. Симулякры, которые использовались в предыдущих политических кампаниях и закреплены в практиках деятельности средств коммуникации, в головах политтехнологов и разного рода экспертов, разрушены за предыдущие пять лет в массовом сознании, а устоявшихся новых попросту нет.

Предстоящая политическая кампания в известном смысле и представляет собой конституирование новой страны — в практиках избирательного процесса гражданам предстоит определиться относительно притяжения или неприятия новых основ государственности, сформированных в 2013-2018 гг. Возможности и направленность такого конституирования задаются факторами исторического масштаба, хотя и воспринимаются

²⁶⁵ Украинцы считают, что страна движется в неправильном направлении — результаты социопроса [Электронный ресурс] // URL: <http://kievlast.com.ua/text/ukrainsky-schitayut-chtostrana-dvizhetsya-v-nepravilnom-napravleniirezultaty-sotsoprosta> (дата обращения — 21.01.19).

многими как пределы персональной искусности или политической воли действующих политиков. Основы нового государства выражены концептом «армия — язык — вера». В медиа этот вектор не описывается адекватно своему значению и социальному содержанию. Смысл выборов в медиа размыт и сводится к поиску фигуры, которая избавит от существующих проблем — войны, коррупции, бедности. То, что политики предлагают в качестве социальных утопий, не воспринимается таковым большинством населения, поэтому интрига политического выбора сводится к персоналиям, вынужденным выступать в роли харизматических носителей этических добродетелей — чести, справедливости, ума, особой одарённости, политических связей, административного опыта и т.п.

Политические процессы и явления уже длительный период описываются в виде неуправляемой какофонии головокружительных событий. Это создаёт запрос на переход к порядку. Но, не имея рационального концепта перехода к упорядоченному взаимодействию, этот запрос воспринимается как потребность в средствах политической коммуникации, основанных на процедурах различного рода принуждения. Лингвистическая непереносимость в медиа воспринимается не как проявление каких-то объективных процессов, а как искусственное состояние, от которого можно избавиться парой-тройкой законов или «решительными мерами» в отношении конкретных лиц и организаций. Сובлазн соответствовать этому запросу будет разрушителен для политической системы, уже давно находящейся в кризисе упрощения. Однако эта угроза не воспринимается всерьёз генерацией политиков, действующих по принципу «если небо упадет на Землю, мы будем ловить жаворонков». Следующей чертой массовой коммуникации выступает упадок медиа-институтов и фрагментация коммуникативного пространства.

Украина — одна из крупных европейских стран с многомиллионным населением, многообразными экономическими, социальными, культурными и технологическими укладами жизни, укоренёнными в различных эпохах, государствах и событиях. Сложная, требующая организации постоянного диалога между разнокачественными и разноуровневыми участниками, политическая жизнь страны необходима как условие эффективного управления (с целью развития) наряду с высокой культурой планирования и политической ответственностью. Однако участники политической коммуникации (как внутри, так и вовне) из года в год пытаются использовать все более примитивные схемы и инструменты, подгоняя страну под всё более упрощённые представления о ней. Здесь как никогда актуальна мысль А. Эйнштейна о том, что самый главный кризис — это кризис некомпетентности.

Длительное время в медиа используются технологии представления политических отношений в форматах «шоу» и «политических сериалов» со все более короткими сюжетами скандального или угрожающего характера. Этот культурный код привел к тому, что значительная часть граждан воспринимает политику не как сферу организации своей жизни, а как длящийся «сериал», в отношении которого можно занимать только позицию зрителя (закономерно, что именно герой развлекательного телесериала выступает одним из популярных кандидатов в Президенты).

Деструктивные форматы коммуникации, язык ненависти и социальной дискриминации в медиа способствуют росту социального напряжения. Часть прежнего медиа-сообщества инкорпорировалось во властные структуры и выступает проводником их позиций в описании политической реальности. Вместо политической спектаклизации, вовлекающей разнообразные социальные группы в процесс совместной политической жизни, практикуется карнавализация: проводятся «политические литургии», всякого рода шоу, элементы политического цирка с демонстрацией «мускулатуры», предполагающие умения фокусничать или просто запугивать избирателей. В таком формате политической коммуникации осознанный выбор будущего на основе продуктивного рационального диалога уже практически неосуществим.

Вместе с тем трансляция информационных потоков в средствах коммуникации объективно формирует единую медиа-среду, транслирующую несколько образов общественного пространства страны. Роль медиа (как объединяющего посредника) выполняют и другие процессы массового общения. Представления о их объединяющих обстоятельствах жизни возникают в процедурах экономического, культурного, межличностного общения, а процессы массовой коммуникации лишь оформляют, придают выражение и язык этим представлениям. Образ политической реальности выстраивается не только из средств массовой коммуникации, о чем периодически напоминают данные социологических опросов населения. Политическое поведение, в т.ч. в избирательном процессе, формируется где-то между телевизором, холодильником, в магазине и в банке, в личных беседах и индивидуальных мечтаниях, при чтении книг и просмотре фильмов. Но в формате медиа образ мотивации избирателя предельно упрощен до основания «пирамиды Маслоу». С ним идет диалог на уровне удовлетворения его первичных потребностей. Жизнь многомилионной страны представляется как сосредоточенная на трех-пяти неразрешимых проблемах. Неохваченные медиа жизненные процессы остаются на периферии, периодически попадают в фокус общественного внимания, но в виде крайностей — катастроф, личных трагедий или дичайших преступ-

лений. Поэтому «сова не налазит на глобус», массовая коммуникация слишком узка в отношении всей палитры социальной жизни, порождая иллюзии, что реальность СМИ — единственно существующая.

Медиа-институты переживают такой же упадок, как и все другие общественные институты. Образы страны, бытующие в разных сферах, довольно невняты и значительно отличаются. Это составляет внутреннее противоречие самой медиа-среды. Созданные в предыдущем историческом периоде методы и приёмы формирования общего политического пространства, представления о допустимых ценностях и нормах общественной коммуникации были исчерпаны в период «революционной пятилетки» 2013-2018 г. В ситуации разворачивающихся новых конфликтов были отброшены прежние ценности и нормы организации процесса медиа-коммуникации — толерантность, концептуальное многообразие, право на личную позицию, невмешательство в дела церкви, недопустимость насилия и цензуры в отношении СМИ, и т.п.

В медиа-среде Украины представление о политическом процессе как борьбе за демократию и ресурсы развития исчерпало себя: провозглашавшие эти лозунги политики продемонстрировали не соответствующие, а то и прямо противоположные им поведенческие практики. Открытое циничное невыполнение общественного долга, лично дававшихся обещаний, множество демагогических приемов — все это обесценило слово политического деятеля, которого уже не воспринимают всерьез. На место медиа-технологий соблазна и убеждения в политической коммуникации пришли технологии пропаганды, правового регулирования и прямого политического принуждения, опирающегося на угрозу экономического, а то и физического насилия. Такие коммуникативные технологии реализуются на основе поддержки практик ограничения свободы слова — как со стороны государственных чиновников, так и со стороны ориентированных на них общественных активистов. Средством политической коммуникации стали также церковные институции.

Наряду с этим произошло существенное изменение социальных сетей — важнейшего медиа-института последних лет. Наиболее влиятельная в Украине сеть «Фейсбук» пережила пик своей влиятельности в 2013-2018 г.²⁶⁶ В начале 2019 г. Фейсбук заявил о том, что вводит новую политику с целью не допустить внешнего влияния на выборы в Украине, в рамках которой запрещается публикация политической рекламы из-за рубежа, а также

²⁶⁶ Facebook ввел новые ограничения для пользователей [Электронный ресурс] // URL: <https://www.objectiv.tv/interesting/2018/12/10/facebook-vvel-novye-ogranicheniya-dlya-polzovatelej/> (дата обращения — 21.01.19).

о намерении временно усилить надзор за выполнением правил. Регулированию будут подлежать сообщения, касающиеся политиков, партий, мобилизации избирателей, партийные слоганы и символика. Ранее администрация сети изменила правила, делавшие сеть альтернативным инструментом массовой коммуникации несистемных политических сил.

Так, были изменены принципы ранжирования постов, введены массовые баны, запрет на «сексуальный подтекст» в постах, т.е. механизм цензуры. В целом после скандала с Cambridge Analytica «Фейсбук» перестал быть широкой социальной площадкой, способной конкурировать с другими СМИ. Если в прежней версии «Фейсбука» популярный блогер с 10-15 тыс. подписчиков легко набирал по несколько тысяч «лайков», то теперь даже 200-300 этих отметок — уже успех. На начало 2019 г. каждый пятый пост в ленте «Фейсбука» — реклама. Все это привело к разочарованию тех, кто смотрел на «Фейсбук» как на общедоступную среду общения, социальное благо, основанное на идеалах гуманизма и демократии. Все большему числу пользователей становится ясно, что это циничная интернет-компания, которая собирает данные пользователей, чтобы показывать рекламу, фактически продает пользователей вместе с данными о них. Пользователь же находится в позиции бесплатного работника. Заняв открытую позицию ментора, определяющего «что такое хорошо и что такое плохо», заявив о намерении воспитывать пользователей социальных сетей, «Фейсбук» потерял их политическое доверие²⁶⁷.

В целом противоречия в трактовках политического процесса в национальных медиа не критичны для транслирования господствующего образа происходящего избирателям. Телевизионное пространство разделено по признаку принадлежности собственникам, однако в целом эффективно контролируется институтами власти и ориентированными на них гражданскими активистами. Образы войны и внешней агрессии транслируются уже пять лет и стали привычным фоном существования. Два оппозиционных канала находятся под постоянным давлением и ограничениями в распространении контента и не выходят за пределы государственной медийной политики. Население пользуется в качестве альтернативного источника информации интернет-каналами и спутниковым ТВ, что значительно расширяет палитру доступных политических концептов происходящего.

²⁶⁷ За все надо платить. Как новые правила Facebook уничтожили власть блогеров и вынудили их к миграции [Электронный ресурс] // URL: <https://strana.ua/articles/analysis/181290-kak-facebook-iz-za-novykh-algoritmov-i-zapreta-na-seksualnyj-podtekst-terjaet-doverie-polzovatelej.html> (дата обращения — 21.01.19).

Коммуникативное пространство разбито на отдельные «информационные пузыри», устроенные по принципу альтернативных описаний и оценок одних и тех же реальных событий и процессов, дополненных соответствующими их характеру фейковыми сообщениями. Поэтому различные группы избирателей соотносят свое политическое поведение с различными образами реальности и различной системой оценок происходящего как в стране, так и с ними персонально.

В контексте событий 2013–2018 гг. из пространства публичных политических коммуникаций вытеснены альтернативные, закреплённые в законах и практиках власти тематические сегменты, способы описания общественных процессов, их смысла и направленности. Путем монополизации образа Украины сформировано представление о наличии единого устойчивого общественного сознания населения страны, ориентированного на «код Порошенко» — «армия — язык — вера». Однако эта монополия достаточно условна, поскольку населению доступны информационные ресурсы её критического восприятия.

Коммуникативное пространство по факту значительно сегментировано на технологическом уровне — электронные и «бумажные» СМИ, действующие в рамках установленного политико-правового режима, не охватывают всю территорию страны население которой пользуется ресурсами других стран и интернета. Кроме того, налицо сегментация коммуникативного пространства по поселенческому, профессиональному, возрастному и прочим групповым признакам. В целом общество Украины слишком велико как в количественном, так и в качественном отношении для того, чтобы можно было на него воздействовать технологиями средств прямой политической пропаганды.

Значительную роль в медиа-процессах украинского общества традиционно играют внешние источники и ресурсы коммуникации. Имея собственные цели в ходе избирательной кампании, они значительно влияют на формирование представлений избирателей о происходящем. Социологические исследования показывают, что население страны получает информацию как с Запада, так и с Востока, воспринимая самые разнообразные медиа-продукты, порой далекие от публичных политических концептов Украины. «Зазеркалье», в котором политические процессы и события Украины имеют какое-то иное, собственное, значение во внутриполитических процессах других стран, в процессах геополитического и геоэкономического характера, формирует действия этих внешних субъектов медиа-пространства Украины.

Кроме того, медиа-воздействие на выборы оказывают диаспоры, решающие свои вопросы в разных странах мира. В ситуации конфликтнос-

ти и неустойчивости политических процессов эти «гомеопатические» влияния способны резко изменить процессы в общественном сознании. Но это — ресурсы несистемного влияния, анализ которых не входит в задачи данного исследования. Можно лишь заметить, что они уже давно стали системной составляющей медиа-обеспечения политических процессов страны, их ожидают и на них реагируют. Учитывая ту роль, которую играют внешние медиа в легитимации власти, все политические акторы формируют собственную информационную стратегию, принимая во внимание процессы, происходящие в мире. Это вызывает диссонанс со стратегиями «внутреннего использования», что также выступает критическим фактором политической кампании.

Спецификой начавшейся кампании является отсутствие кандидатов, которые бы обладали абсолютным преимуществом в политическом сознании масс. Это заставляет каждого из них концентрировать коммуникативные ресурсы на достаточно узких группах избирателей и использовать те коммуникативные сферы, которые позволяют воздействовать наиболее эффективно на эти группы. Поскольку целевые группы кандидатов представляют собой аудитории с различными социокультурными запросами, медиа-стратегии кандидатов ориентированы на действия в различных сферах коммуникации.

Можно выделить три базовых сферы коммуникативного пространства Украины, которые имеют специфические потенциалы формирования политического поведения граждан и позволяют воздействовать на различные по социокультурным установкам типы участников политического процесса.

Первая — сфера коммуникаций в рамках публичных общественных институтов. К ней относятся телевидение, публичное пространство в политике и бизнесе (реклама, билборды и т.п.), пространство официальных коммуникаций в учреждениях, школах, больницах военной инфраструктуре, на производствах и т.п. Основной алгоритм воздействия здесь — от центра к массе, каждый элемент которой не имеет собственных свойств и способности к политическому действию. Избиратель должен проявлять себя в этом качестве добровольно (как подданный), или в силу предложенных обстоятельств (как покоренный), став перед лицом власти в образе «маленького украинца», в процессе коммуникации должен демонстрировать лояльность в отношении государства и его идеологии. Если участник политического процесса не находит в себе таких свойств, то он стремится выйти из такой коммуникации. Это — сфера формирования образа «системного кандидата», способного управлять государственными институтами, исходя из интересов развития государственности, видения будущего.

Вторая — сфера коммуникаций, возникающая на основе социальных сетей. К ним относятся сети неинституционального общения — профессиональные, по интересам — в том числе экономическим и политическим. Средством такого общения в последнее время стали Фейсбук, В контакте, Инстаграм, Телеграмм и др. Основной алгоритм воздействия здесь — вовлечение избирателя в игровое взаимодействие (геймификация политической коммуникации) и доведение до «избирательской экзальтации» — осознания своей причастности к сообществу избранных свидетелей нового мира, путь к которому открывает избрание нового кандидата. Избиратель должен обладать такими качествами, как активная коммуникабельность, интерес, свобода выбора, собственный ресурс поведения в ситуации, внушаемость. Соответственно воздействие на него ориентируется на приоритет этих качеств и если они для него не важны, он не участвует в такой коммуникации. Это — сфера формирования образа «несистемного» кандидата, способного реализовывать в политической сфере умонастроения и запросы множества различных групп со своими интересами.

Третья — сфера коммуникаций граждан в повседневных мирах. Сюда относятся межличностные коммуникации по поводу профессиональных, возрастных, поселенческих, семейно-общинных проблем, где люди вступают в коммуникации лицом к лицу. Определенными ресурсами влияния здесь обладают институты социального обеспечения, церковь, органы местного самоуправления, профсоюзы. Основной алгоритм воздействия в этой сфере — личный пример, демонстрация близости по интересам, убеждение, создание рациональных представлений о своей роли в общем конструктивном действии. Это — образ сокрытого «народного лидера». Избиратель должен обладать установками на личные добродетели, а также на рациональность, планируемость, достижимость и устойчивость результатов. Здесь идет формирование образа кандидата, сосредоточенного на проблематике жизненного мира, материальной и социальной обеспеченности граждан.

Эти сферы коммуникации не только разделены, но в настоящее время альтернативны друг другу. В них выражаются интересы различных групп, формируемых в процессе политической коммуникации.

Заключение. Состояние «новой определенности» характеризует исторически возникшее новое ядро социальности Украины, представленное в лице государственной власти и части населения. Это именно социальное состояние, а не новая институциональная основа жизни народа, переживающего процесс длящейся аномии и упадка социальных институтов. «Новая определенность», отрицающая предыдущее состояние «незавершающегося выбора», стала для многих основой перехода к другому видению

себя и страны. При этом существуют два парадигмальных подхода к оценке этого состояния. Согласно первому оно понимается как возникшее новое основание дальнейшего развития страны, согласно второму – как последняя фаза исторически исчерпавшего себя прежнего основания. В рамках этих подходов разворачиваются соответствующие системы аргументации, которые становятся идеологемами политической мобилизации. Но последнее слово в этом споре принадлежит исторической практике.

Социальный эффект от возникновения «новой определённости» состоит в том, что она открывает иные возможности солидаризации и формирования общественных связей, создавая при этом и новые напряжения и конфликты. К бытовавшей прежде двойственной неопределённости сложно было отнести однозначно, принять её или отторгнуть. Ведь для этого нужно было её как-то однозначно интерпретировать с точки зрения своего видения будущего. Определенность снимает эту сложность, постулируя, что Украина – это и есть единственно то, что мы видим сегодня вокруг себя и в медиа, что другой она не является и быть не может.

Однако эта состоявшаяся «новая определенность» создаёт и определенные риски, и возможности, реализация которых и составит повестку развития Украины в наступившем историческом периоде. Движение в будущее только начинается. Одно дело мечтать о стране, где будут введены идеологические ограничения гражданских прав, бороться за это, в т.ч. посредством участия в дискуссиях. И другое дело – жить практически, поддерживая этот порядок насилия и сталкиваясь с реакцией тех групп, в отношении к которым оно осуществляется. Одно дело пользоваться результатами процесса деиндустриализации, другое – жить в деиндустриализованном обществе со стагнирующей инфраструктурой жизнеобеспечения и ограниченным доступом к социальным благам.

Станет ли эта «новая определенность» эффективной основой общественного консенсуса, как это было с прежней «неопределенностью», позволявшей реализовывать внутреннее разнообразие общественной жизни страны, сказать трудно. Очевидно то, что она породит новые проблемы, решение которых потребует последующего изменения практик управления и идеологием для их легитимации. Текущие события и различные опросы показывают, что часть народа Украины не принимает это «определившееся» ядро, реагируя внутренней и внешней эмиграцией, индивидуальным неприятием. Другая же часть народа принимает эту определённость, активно участвуя в её утверждении и развитии, связывая с ней своё будущее и будущее своих детей. Конфликты между теми и другими обостряют этот процесс, но государство стоит на стороне второй части, заставляя первых по-новому к себе определяться.

Любое состояние общества имеет свои исторические пределы и не длится бесконечно. В это плане оно становится пусть и важнейшей, но лишь одной из предпосылок формирования жизненного мира народа как целого. Насколько долго продлится состояние «новой определенности», каковы её внутренние и внешние пределы трансформации, насколько эта трансформация станет устойчивой основой жизни народа Украины, покажет уже ближайшее будущее. Если смотреть на это состояние изнутри, то оно выглядит достаточно целостным и соответствующим тем принципам, на которые опирались люди, создававшие его. С этой точки зрения, проект national building достиг успеха. Общественное состояние «новой определенности» воспринимается его носителями как результат всего общества, безотносительная ценность, не подлежащая оценке. И это правомерно — ибо оценку даёт практика последующего развития форм социальной организации.

Убежденность в собственной безальтернативности укрепляет субъективную уверенность приверженцев «новой определенности» в собственной правоте и эффективности. Это позволяет удерживать внутренний консенсус по поводу повестки государственной жизни Украины, но за пределами этого консенсуса «новая определенность» выглядит несколько иначе. Кроме того, эта определенность — производная достигнутого в конфликте статус-кво в отношении социальных сил, с изменением которого может измениться и сама основа.

«Новая определенность» привлекает часть людей, живших в состоянии «прежней неопределённости», ведь последняя закончилась для них конфликтом. Поэтому возврат к ней видится как нежелательный и они не видят альтернативы «новой определенности». Если же смотреть на возникшее состояние с точки зрения перспективы трансформаций глобального миропорядка, то оно может выглядеть не столь однозначным. Ключевая проблема дальнейшего развития «новой определенности» состоит в её зависимости от внешней легитимации. Данные опросов населения говорят о критически низкой поддержке ключевых положений реализуемых политических стратегий. И это происходит одновременно с высокой оценкой этих же процессов со стороны западных партнёров. Поэтому политические акторы ориентируются преимущественно на логику внешних процессов. В случае изменения отношений между ними может измениться и легитимность «новой определенности». В мире же просыпаются дремавшие доселе воистину титанические силы трансформации миропорядка и открываются перспективы совершенно иной конфигурации легитимирующих сил. Риском является политико-идеологический характер «новой определенности», делающий экономические и соци-

альные ресурсы «расходным материалом» для её поддержания, что проблематизирует перспективы её внутренней легитимации.

Сформированные на начало 2019 г. процессы медиатизации фактически препятствуют осознанию, формированию, агломерации и манифестации интересов ряда социальных групп. Они выполняют функции подавления и трансформации политического действия значительной части населения. Интересы же части групп вообще не будут представлены в процессе выборов, что усиливает потенциал конфликтности вне политического пространства, с одной стороны, и развивает отчуждение от публичных медиа – с другой.

В силу изложенного выше формирование политического представительства интересов социальных групп, из которых состоит сегодняшняя Украина в процессе предстоящих выборов возможно скорее вопреки, чем благодаря медиа-процессам в обществе. Медиа-среда не позволяет сформировать мобилизационные ресурсы тем группам, чьи интересы подавляются сложившимися политическими практиками. Однако, структурные рычаги влияния, связанные с положением этих групп в системе общественного производства, остаются. Необходимы инновации, открывающие возможность медиатизации тех процессов, которые выведены за пределы публичного политического пространства. Это станет условием формирования широкого общенационального диалога с целью поиска путей разрешения сложившихся противоречий.

Поступила в редакцию 01.02.2019 г.